

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ

Мир земле

Отечественная война 1812 года поражает своей быстротечностью — она уложилась в шесть месяцев, в отличие от русско-турецких, русско-шведской, крымской войн, которые тянулись годами. Из 600 тысяч войск, приведенных Наполеоном покорять Российскую империю, ушли восвояси около 30 тысяч, причем в виде толпы, управляемой биологическим инстинктом спасения. Поражает воображение Бородинская битва — одно из самых крупных сражений XIX века и всей предыдущей истории. На поле битвы, имевшем 8 километров по фронту и 7 километров в глубину, столкнулись с обеих сторон 255 тысяч людей, грохотали 1200 орудий, которые только за 12 часов боевых действий 7 сентября выпустили 140 тысяч снарядов, то есть по одному на каждого двоих участников сражения. Трудно вообразить те 9-10 миллионов пуль, израсходованных здесь противными армиями, это многотонное облако свинца, рой смертоносных свистящих шариков, отправивших на тот свет или в лазареты почти 100 тысяч солдат. Плотность огня, например, на Семеновских флешах была такая, что французы ходили в атаки колоннами по 50—60 человек в глубину на каждый погонный метр фронта.

Показательно и поведение армии Наполеона. Ни в какой другой войне его войска так не опустошали занятую территорию, как в 1812 году Белоруссию, Литву, Смоленщину и Московскую область. По воспоминаниям современников, наиболее усердствовали в грабежах баварцы, пруссаки, рейнские немцы, хорваты из итальянского корпуса. Почти не грабила императорская гвардия (10 тысяч солдат), однако, не запятнав честь мундира мародерством, гвардейцы опозорили себя варварской расправой над тремя тысячами тяжелораненых, которые находились в Москве в Кудринском госпитале. Многие из этих несчастных были убиты, а 700 человек сгорели живьем.

Для Белоруссии война 1812 года началась с того рассветного часа 24 июня, когда армии Бонапарта перешли Неман. Кирасиры и уланы, пехота и егеря, старая и молодая гвардия, артиллерийские батареи и пионерские роты — все они вступали на белорусскую и литовскую землю, ослепленные иллюзиями молниеносной войны и блистательной победы. Но очень скоро прозрели и поняли они, что и леса, и поля, и реки Полочкины и Витебщины, Минщины и Могилевщины становятся для них местом вечного приюта. Лихо шли армии

Бонапарта по белорусским дорогам в длинные купальские дни и без надежды

на спасение брели обратно в длинные колядные ночи под поминальный вой волчьих стай. Символичны последние часы пребывания Наполеона в Белоруссии: после совещания с маршалами в Сморгони он решил покинуть войска и в одном из ныне существующих домиков переоделся в мундир польского улана. В каком-то смысле эта уловка была саморазжалованием, возвращением из императоров в «маленькие люди». Он сам понимал это и свои чувства выразил в одной из бесед: «Я покинул Париж в намерении не идти дальше польских границ. Обстоятельства увлекли меня. Может быть, я сделал ошибку, что дошел до Москвы, может быть, я плохо сделал, что слишком долго там оставался, но от великого до смешного — только один шаг, и пусть судит потомство». Такой плотный набор сакраментальных фраз искажает истину, даже вызывает некоторое

сочувствие. Но понятия «великое» и «смешное» здесь совсем неуместны: из Сморгони в чужом наряде под чужим именем бежал человек, по вине которого только в Белоруссии погибло свыше миллиона людей. И стремился он в Париж, чтобы опять «привести триста тысяч солдат».

Наполеону хотелось переиграть войну, провести ее, так сказать, набело; 1812 год казался ему черновиком, в котором следовало исправить тактические ошибки. Он искал причины поражения в ранних и сильных морозах, в бездарности своего брата Жерома, в чем угодно, кроме главного — что «большую армию» сокрушила стихия всенародной войны, сила единодушного сопротивления миллионов людей, не пожелавших смириться с присутствием захватчика.

Земли Белоруссии оказались ареной длительных военных действий. Вообще вопрос «Белоруссия и Отечественная война 1812 года» достаточно многогранен — здесь нет той однозначной ясности, которая определяла отношение к Наполеону русского народа. Отличия существенны и драматичны. Перед лицом внешней опасности русский народ — от царского двора до самого бедного крестьянина — был единодушен в неприятии непрошенных пришельцев. В Белоруссии и Лнтве значительная часть дворянства и духовенства поначалу приветствовала Наполеона, от которого получила согласие на восстановление бывшего Великого княжества Литовского. Белорусские полки были и в российской и в наполеоновской армиях. Объясняется это сложными историческими причинами. Что же это были за причины?

Воссоединение Белоруссии с Российской империей произошло в результате разделов Речи Посполитой, а также Тильзитского мира, после которого к России перешел от Пруссии Белостокский округ со значительным количеством белорусского населения. В это время в Белоруссии насчитывалось 4 миллиона человек — девятая часть общего населения России. Изменилось положение крестьян. За 1772—1800 годы русским помещикам было роздано во владение 208550 душ мужского пола, то есть фактически крестьянских семей.

Считая с женами и двумя-тремя детьми это составило более миллиона человек — четвертую часть всего населения.

В податное сословие была переведена на значительная часть мелкой шляхты, не имевшей доказательных документов на дворянство. Тысячи людей подверглись репрессиям, например солдаты бывшей армии Великого княжества, которая после разделов была распущена. Лишившись службы, множество профессиональных солдат и офицеров, не владевших иной собственностью, помимо сабли, оказались на положении нищих и представляли собой с точки зрения царской администрации опасный элемент. Поэтому в 1795 году Екатерина направила гене-рал-губернатору новоприсоединенных губерний Тутолмину следующий указ: «Зашедших в губернии из распущенных бывших войск людей и других шатающихся, проживающих праздно, всех отправить в Екатеринославское наместничество на вечное поселение». Между тем бывшее войско

Великого княжества составляло 30 тысяч человек, так что на вечное поселение в чужом краю пошли не сотни, а тысячи. На Украину было переведено и несколько нерасформированных полков.

Жизнь крестьян ухудшилась с присоединением России к континентальной блокаде Англии: уменьшился вывоз хлеба, пеньки, сала, льна, что сбило на них цены почти вдвое. В непосильный гнет превратились для белорусских и литовских губерний подати и налоги, которые здесь в отличие от России собирались не в ассигнациях, а в металлической монете (золоте и серебре). Но по существовавшему тогда неофициальному курсу за 100 рублей ассигнациями давали 22 рубля серебром. Правительство попросту выбирало на этих землях золото и серебро по цене бумажных денег; иначе говоря, в Белоруссии и Литве налоги оказались в 4—5 раз выше, что, с одной стороны, подрывало местное хозяйство, а с другой — подогревало недовольство. Лишь в 1811 году последовало разрешение оплачивать подати ассигнациями.

Недальновидная политика царизма осложняла ситуацию и создавала почву для недовольства, сеяла национальное недоверие между белорусами и русскими.

Введены были рекрутские наборы, которых прежде Белоруссия не знала. И в отношении этой повинности белорусы оказались в иных обстоятельствах, чем другие присоединенные к России народы. В русской регулярной армии вычленялись по национальному признаку лишь пять полков: конный литовский (из белорусов и литовцев); конный татарский (из белорусских и литовских татар); конный польский (то есть опять же из белорусов и литовцев, поскольку этническая территория Польши в то время не входила в состав Российской империи); греческий батальон; одесский греческий батальон. Первые два полка были образованы из существовавшего в Великом княжестве Литовском со времени Грюнвальдской битвы Литовско-Татарского полка. Каждый полк имел тысячный состав: 500 человек шляхты и 500 шеренговых (рядовых). Калмыки, башкиры, поволжские и крымские татары выставляли полки в иррегулярное

войско, то есть в войско, создаваемое на время войны. К иррегулярным относились и все казачьи войска (Донское, Кубанское, Оренбургское, Уральское, Сибирское и т. д.). В 1807-м от рекрутских наборов была освобождена Украина — она выставляла казачьи полки; украинские солдаты были также в некоторых гусарских полках. Рекрутская повинность не налагалась на Латвию, Эстонию, Бессарабию. Не призывались в армию финны, народы Севера. В 1786 году стали считать поселенным войском кабардинцев, их полк был определен в 1000 человек. Были созданы полки численностью в 300—500 человек из ингушей, осетин, лезгин, но опять же на правах поселенного войска, без отрыва от родины. Не проводились наборы рекрутов в Грузии, не призывались в армию евреи, от рекрутской повинности были освобождены семьи духовенства и почетных граждан, колонисты, семьи рабочих важных предприятий. С 1776 года купцы получили право вносить взамен рекрута деньги — 360 рублей, позже цену подняли до 500 рублей, с 1807 года — до 1000 рублей.

Таким образом, в рассматриваемое время регулярная армия России комплектовалась главным образом из русских и белорусов, чему способствовали родственность языков и исповедания.

Рекрутчина воспринималась худшим из земных бедствий, проводы в солдаты более походили на положение во гроб живьем. Повинность эта, введенная Петром I в 1699 году, устанавливала для солдата пожизненный срок службы; человек, отдаваемый в рекруты, практически навсегда уходил от семьи, родни, родного дома и родины. Лишь в 1793 году срок службы был ограничен 25 годами; к этому времени в Российской армии несли службу белорусские солдаты по 20 рекрутским наборам. Следующее уменьшение

срока службы — до 20 лет произошло в 1834 году, а затем до 15 лет — в 1856 году. В рекруты брали мужчин в возрасте 19—35 лет. Так что тот, кому чудом удалось четверть века оставаться в живых в бесконечных кампаниях и походах, выходил из армии

либо 60-летним стариком, либо 45-летним человеком без кола и двора. На белорусских землях первый набор рекрутов был проведен в 1773 году. Он дал армии примерно 3 тысячи человек. Обычный набор требовал 1 человека с 500 душ, но в военные годы набирали по 4 и по 5 рекрутов с 500 душ. Датчик рекрута обеспечивал его мукой, крупами, солью в размере трехмесячного пропитания и еще давал три рубля денег — сумму по тому времени немалую. За 1796—1799 годы от всех белорусских губерний армия получила 49 тысяч человек, а всего за последнюю четверть XVIII века — 109 тысяч, не считая шляхты, которая пополняла офицерский корпус российской армии. В царствование Александра обычно брали 4—5 рекрутов с 500 душ, лишь три набора были по 1 человеку. Наборы 1802 и 1803 годов дали по 6 тысяч белорусских рекрутов, в 1806,

1807 годах — 33 тысячи, в 1811— 14,7 тысячи. В зимний набор 1812 года брали по 8 рекрутов с 500 душ, поэтому за 1-е

десятилетие XIX века к началу Отечественной войны белорусские земли выставили в армию более 130 тысяч солдат. (Численные подсчеты проведены автором на основании следующих источников и исследований: Полное собрание законов Российской империи; «Столетие военного министерства»; «История русской армии и флота» и др.).

Если учесть 25-летний срок службы, то к 1812 году в армии находились еще солдаты набора 1782 года; в совокупности всех наборов это составляло более 220 тысяч человек. Правда, многие из них, вероятно, погибли в походах Суворова, под Аустерлицем, в Пруссии, в русско-турецкой войне и других сражениях. Определить число этих потерь, наверное, невозможно, во всяком случае, очень трудно, поскольку сложно проследить, куда поступали рекруты из Белоруссии по указу Екатерины от октября 1794 года. Рекрутами из Минской, Полоцкой, Могилевской губернии комплектовались вновь создаваемые егерские корпуса Белорусский, Екатеринославский, Эстляндский, Лифляндский, Финляндский. (В те годы состав корпуса колебался от 10 до 50 тысяч человек). Если принять минимальную цифру, то в пять корпусов пошло по меньшей мере тысяч 40 рекрутов. С 1775 года существовал Белорусский полк, комплектуемый исключительно из белорусов; уроженцами белорусских губерний комплектовались уланские полки, из местных рекрутов формировались гарнизоны в городах.

Суммируя все сказанное, можно заключить, что белорусский народ, составлявший в 1811 году десятую часть 40-миллионного населения империи, поставлял в регулярные войска до 15 процентов рекрутов.

В начале XIX века сложилась новая система комплектования армии: рекруты сначала шли в специальные депо, а из них после начального обучения распределялись по дивизиям. В частности, гродненцы направлялись в Каргопольское, Олонецкое, Ахтырское, Глуховское, Брянское депо, минчане — в Рогнединское, Брянское, Старорусское, могилевцы — в Брянское, витебляне — в Новгород-Северское, Ольвиопольское, Вязьменское, Стародубовское, Каргопольское и т. д. Из этих депо белорусскими солдатами комплектовались пехотные дивизии: 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 23, 24, 27-я. Следует заметить, что всего пехотных дивизий было 25 (по нумерации с 3-й по 27-ю; 1-я и 2-я были гренадерскими).

Это подробное перечисление дивизий отражает широту и особенность отношений, которые сложились между русскими и белорусскими солдатами в рядах армии; они не были отделены друг от друга, как иные национальные подразделения. Русские и белорусы

вместе в одних дивизиях, а часто в одних полках несли одинаковые тяготы войн, походов, казарменной или лагерной жизни. Вместе с витеблянами служили москвичи и владимирцы, с гродненцами — калужане, с минчанами — туляки, и эта совместная двадцатипятилетняя жизнь вырабатывала и совместные устремления, мечты, стирала вековые национальные предрассудки, содействовала сплочению народов, пониманию равенности тяжелой доли,

которую определял крестьянам, ремесленникам, солдатам царизм.

К началу Отечественной войны 14 из 16 перечисленных дивизия находились в составе армий Баркляя-де-Толли и Багратиона. Накопив на западных границах 450-тысячную армию (позже к нему присоединилось еще около 150 тысяч войск) и создав тройной перевес сил против Баркляя-де-Толли и Багратиона, располагавших 165 тысячами солдат, Наполеон рассчитывал уничтожить армии русских по отдельности в пределах Белоруссии и Литвы и продиктовать Александру свои условия мира. Ставка на победу в одном-двух стратегических сражениях опиралась на опыт Аустерлица (где русские и австрийские войска потеряли 15 тысяч убитыми, а 20 тысяч попало в плен), на удачу битвы под Фридрихсборгом, в которой русская армия в один день потеряла 25 тысяч солдат, после чего был подписан выгодный Наполеону Тильзитский мир. Он говорил своим приближенным: «Я открою кампанию переходом через Неман. Закончу я ее в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь. Я укреплю эти два города и займусь в Вильне, где будет моя главная квартира в течение ближайшей зимы, организацией Литвы, которая жаждет сбросить с себя русское иго... Я не перейду Двины. Хотеть идти дальше в течение этого года — значит идти навстречу собственной гибели».

Однако пошел. Увлекло. Увлекли отступающие 1-я и 2-я армии, которые казались легкой добычей, увлекла жажда боевых действий, стремительной войны. В это время Наполеон не столько хотел выгодного мира, сколько блестящей битвы. На мирное предложение царя он ответил отказом, а ведь мог без потерь, без пролития крови, просто по обстоятельствам своей реальной силы, пугающей Александра, вытребовать значительные уступки. Но в том-то и беда, что хотелось не мира, хотелось сражения, переживания тех чувств, которые давала война, хотелось игры полками, дивизиями, сотнями тысяч жизней. Мир без крупного выигрыша, без нового подтверждения своего военного гения казался недостойным, неинтересным. А стратегическая битва не получалась: и 120-тысячная армия Баркляя-де-Толли, и 50-тысячная армия Багратиона отступали со сложным маневром, тяжелыми арьергардными боями. Стычками и разной силы боями с наполеоновскими дивизиями отмечены многие белорусские города, местечки, деревни: Вишнево, Воложин, Ивенец, Бакшты, Волковыск, Кареличи, Раков, Бобруйск, Несвиж, Мир, Борисов, Кобрин, Свислочь, Игумен (Червень), Романове, Бешенковичи, Рудия, Поречье, Старый Быхов. Из названных здесь населенных пунктов известны в связи с войной, особенно с первым ее месяцем, пожалуй, Мир, в котором казаки Платова разбили девять уланских польских полков, да Кобрин, под которым армия Тормосова разгромила саксонский корпус.

Через месяц наступательных боев Наполеон начал раздражаться: возимый 20-дневный запас продовольствия был съеден, надежда на захват армейских продовольственных складов, находящихся в Белоруссии и Литве, не оправдалась — большинство их было сожжено отступавшими частями. «Большая армия» села на голодный поек. Тотчас покинули строй и занялись мародерством почти 50 тысяч солдат, то есть больше, чем было в армии

Багратиона. Первыми ушли грабить дворы и усадьбы и каждого встречного шесть тысяч баварцев. От недостатка фуража начался падеж лошадей — движение полумиллионной армии «споткнулось», ей потребовалась

передышка. Между тем войска Барклая-де-Толли и Багратиона отходили в организованных боевых порядках, разрушая своим отступлением все расчеты Наполеона. 1-я армия покинула Дрисский лагерь; преследуя ее, Наполеон приблизился к Витебску, где полагал втянуть Барклая-де-Толли в губительное большое сражение, но тот силами 11-й, 23-й и 3-й дивизий остановил 25-тысячный французский авангард у деревень Островка и Комары. Здесь прошли истребительные трехдневные бои. В этих дивизиях служили в большинстве полочане, витебляне, уроженцы Виленщины. Они дрались за родные места и выстояли. От Островны до реки Лучосы, впадающей в Двину у предместий города, на десяти верстах 3-я, 11-я и 23-я дивизии потеряли 3764 человека — по 376 солдат на каждую версту, по 370 потеряли французы. Тут на каждом метре дороги лежал убитый или раненый солдат, зато 1-я армия была спасена и, оторвавшись от Наполеона, стала отступать к Смоленску. В эти же дни Багратион, переправляясь через Днепр, выделил в арьергард против теснивших 2-ю армию корпусов Даву корпус генерала Раевского, в который входили 26-я и 12-я укомплектованные гродненцами, дивизии. Битва проходила между деревнями Дашковка и Салтановка, неподалеку от Могилева, при тяжелом неравенстве сил — две дивизии против пяти. Победа досталась корпусу Раевского (он потерял 2,5 тысячи солдат, французы — 3,5 тысячи) и позволила Багратиону перевести армию на левый берег Днепра. Он не медля написал в штаб 1-й армии: «Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили».

Барклай-де-Толли и Багратион вели армии к Смоленску. Наполеон вступил в покинутый Витебск. Он разместился в лучшем здании города — губернаторском дворце, построенном на Высоком обрывистом берегу Западной Двины, неподалеку от впадения в нее Витьбы. Из окон открывался вид на заречную часть города, тогда малозастроенную, с торговой пристанью, купеческими складами, а далее — тянулись луга и леса, и линия горизонта была далеко. Далеко, за сотни верст, находилась и граница, которую он перешел. Вся Белоруссия и Литва были завоеваны — огромная территория, около пяти миллионов населения. Он властвовал над ними, над их землями, над этой широкой быстроводной рекой. Настроение у императора было самодовольное, он много работал: писал по сто писем в день, управлял с помощью курьеров парижской жизнью, решал сотни административных, хозяйственных, военных дел, обдумывал, как и о чем разговаривать с Александром, когда тот вновь обратится с просьбой о мире.

Но царь молчал, впереди реально существовали две российские армии: армия Тормосова начала наступление на юге Белоруссии и уже выиграла Кобринский бой; усиливались русские войска в Латвии, на Петербургских путях — и пошли открываться все изъяны Великой Армии, в которой на 297 французских батальонов пехоты приходилось 307 пехотных батальонов из разных стран Европы; на 38 тысяч французской конницы — 42 тысячи

кавалеристов из подчиненных государств. К неудержимому мародерству прибавилось массовое дезертирство. Бежали из наполеоновской армии не только испанцы, считавшие для себя бесчестьем сражаться за Наполеона, залившего их родину кровью, бежали немцы, швейцарцы, португальцы, голландцы, итальянцы и не менее других французы. Так, уже в августе только на Псковщине перебежали от Наполеона более 5 тысяч солдат. Около 60 тысяч дезертиров отсиживалось в лесах. Дезертиров было больше, чем погибших и раненых; они несли двойное зло — ослабляли армию и подрывали тыл грабежом населения.

Такое состояние — ни мира, ни войны — не могло, разумеется, удовлетворить Наполеона, и в Витебске, в губернаторском дворце, здравомыслие изменило ему — он решил наступать на Смоленск и Москву. «Захватив Москву, я поражу Россию в сердце», — говорил он с присущей ему образностью.

Арьергардные бои под Смоленском вела укомплектованная молодыми рекрутами с Витебщины 27-я дивизия, которая в яростных боях потеряла пять шестых личного состава. Смоленск обороняли 12-я и 26-я дивизии, затем их сменили 7-я и 24-я, укомплектованные уроженцами Минской, Гродненской и Витебской губерний. На защиту своего города пришло 12-тысячное смоленское ополчение, в основном крестьянское, которое в бою ничем не уступало солдатам. Взятие Смоленска обошлось Наполеону в 20 тысяч убитых и раненых. Разозленный император отдал город на разграбление; около 2 тысяч жителей укрылись в соборе, где провели две недели, пока победители не обобрали до иголки все уцелевшие дома. Весь Старый город сгорел. Здесь перед штурмом французами крепости были собраны тяжелораненные русские и белорусы — несколько тысяч человек, все они сгорели в огне...

К Бородинскому полю Наполеон смог привести 135 тысяч войска из того полумиллиона солдат, что лихо проходили через Неман в купальскую ночь 24 июня. Около 80 тысяч убиты и ранены; 60 тысяч были в бегах; более 10 тысяч болели; часть защищала правый фланг от 3-й армии; 20-тысячный корпус Домбровского осаждал Бобруйскую крепость; 60 тысяч стояли на Полоччине против корпуса Витгенштейна; прочие охраняли дороги и составляли тыловые гарнизоны. В целом Наполеон оставил в Белоруссии около 100 тысяч солдат.

Что же происходило в это время в Белоруссии? В отличие от занятых русских областей и Латвии, где действовала оккупационная администрация, Белоруссия и Литва считались Наполеоном «освобожденными от русского ига». В Вильно на третий день после вступления в город французских войск с согласия императора образовалась Комиссия временного правительства Великого княжества Литовского, которая присягнула Наполеону, то есть часть польских, белорусских и литовских магнатов формально выставили Белоруссию и Литву как бы в качестве союзников Франции. От союзников Наполеон требовал: поставок продовольствия, фуража, денежных поступлений в звонкой монете и воинских подразделений. Например, Пруссия была обязана

выставить для похода на Россию 20 тысяч войск, дать 20 миллионов килограммов ржи, 40 миллионов килограммов пшеницы, 40 тысяч быков. Австрия посылала 30 тысяч войска, Швейцария — 16 тысяч, Голландия — 52 тысячи, поляки — 36 тысяч пехоты и конницы.

От Белоруссии и Литвы Наполеон за обещание воссоздать Великое княжество потребовал огромных поставок продовольствия и 100-тысячную армию. Эта небывалая численность белорусско-литовских войск была названа не случайно.

В 1811 году белорусский магнат Михаил Огинский, пользуясь расположением Александра, предложил проект конституции, по которому из восьми губерний — Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской и Киевской — восстанавливалось Великое княжество с определенной автономией от России. Великой княгиней, наместницей царя, полагалось стать Катерине Павловне, сестре Александра. Проект намечал личное освобождение крестьян и создание 100-тысячной армии, которая входила бы в состав Российской, но имела бы особое обмундирование. Проект был отвергнут в петербургских и московских высших кругах, не желавших каких-либо прецедентов с отменой крепостного права.

Наполеон, тщательно собиравший сведения о России, знал об атом проекте и потому назвал такую цифру. Но для создания армии не имелось возможностей; не было людей, поскольку предыдущие рекрутские наборы выбрали наиболее здоровую часть мужчин призывного возраста; не было необходимого вооружения и обмундирования; не было офицеров, чтобы возглавить роты, батальоны, полки; а главное, простой люд не имел

желания воевать за интересы пришельца и захватчика. Оценив ситуацию, Комиссия временного правительства доложила Наполеону, что реально в ближайшие месяцы сможет выставить в его действующую армию 5 полков пехоты и 4 конных уланских полка. Для пехоты собрали 10 тысяч рекрутов: в Минской и Виленской губерниях по 3 тысячи, в Гродненской — 2,5, в Белостокской — 1,5 тысячи. В конницу брали одного всадника с каждых 75 дворов, а для его содержания назначили денежный сбор в 73 рубля с каждых 50 дворов. Срок службы был определен в шесть лет. Пехотные полки получили нумерацию с 18-го по 22-й, уланские — с 17-го по 20-й. Из дворянской и студенческой молодежи был образован легкоконный полк под командованием уроженца Слонима генерала Конопко; полк этот Наполеон «милостиво» причислил к императорской гвардии, но оставил в Белоруссии для действий против армии Тормосова. Кроме того, из белорусов и литовцев была создана артиллерийская батарея, вошедшая в корпус Понятовского; к полку Конопко присоединился эскадрон белорусских татар под началом Ахматовича. На юге Минской губернии, то есть на Полесье, пытались сформировать 6-й пехотный полк, но он комплектовался столь медленно, что в строй не вошел. В числе белорусско-литовских подразделений, находившихся у Наполеона, надо назвать и трехтысячный полк уланов, сформированный князем Радзивиллом. В

губерниях и уездах Комиссия временного правительства стремилась организовать жандармские подразделения (по 30—60 человек на уезд), но, например, на всю Минскую губернию отряд жандармов составил 70 человек. Наконец, в Могилеве был создан отряд стражи численностью в 400 штыков. Главная функция стражи и жандармов состояла в подавлении крестьянских беспорядков и защите помещичьих дворов. Белорусские крестьяне ожидали от Наполеона отмены крепостничества (как это произошло в Польше в 1807 году, где крестьяне получили личную свободу) и с началом войны стали отказываться от повиновения помещикам, сводили давние справедливые с ними счета, разоряли усадьбы, навлекали на помещичьи дворы толпы мародеров. Однако Наполеон не решился на освобождение крестьянства, наоборот, он распорядился высылать команды для усмирения бунтовщиков. От крестьянства требовали: продовольствие и фураж для французской армии, рекрутов — в образуемое для Наполеона белорусско-литовское войско. Естественно, возникло сопротивление: либо пассивное — невыполнение поставок, уход целыми деревнями в лес, либо активное — убийство реквизиционеров, партизанские действия по уничтожению групп вражеских солдат, захвату провиантских обозов и т. п.

В историю народного сопротивления захватчикам вошли действия партизанских отрядов, организованных крестьянами деревень Староселье, Есьман, Мажаны, Клевки в Борисовском повете на Минщине, деревни Тростяницы в Игуменском повете, деревни Жарки на Полоччине. Врага топили в реках, поджигали в домах, избивали кольями, как это было в Могилеве. Крестьяне, вооруженные ружьями, превращались в грозную военную силу. Так 12-тысячный французский гарнизон был буквально заперт в Витебске окружившими город партизанами, и Наполеон для спасения его был вынужден отправить на помощь войска. Не менее, чем вооруженное сопротивление, значил крестьянский саботаж поставок продовольствия для наполеоновских войск: голод убивал врага, как и пули.

Небольшим энтузиазмом в отношении Наполеона отличались белорусская шляхта (в основном мелкая) и мещанство. Вначале, когда Наполеон победоносно двигался вслед отступавшим армиям, был порыв организовать ополчение, вступать в полки, жертвовать драгоценности, золото, серебро, но после поражения польских улан под Миром и саксонцев под Кобрином пыл погас. Поначалу война казалась легкой, и газеты с полной

серьезностью печатали чепуху, вроде того, что 40 школьников трижды обманывали, а затем обратили в паническое бегство 50 казаков, или как новогрудский шляхтич Иван Маркевич пожертвовал на пользу армии «отличную сибирскую медвежью шубу на шесть шапок для сапер». Для военных реляций подбирались соответствующая лексика: «Непобедимые отряды великого Наполеона исполинскими шагами подвигаются вперед...» Вскоре стали печатать сведения, сколько какая дама нащипала корпии для раненых. Шляхта с пышностью отмечала 15 августа день рождения Наполеона. В городах на лучших зданиях вывешивались портреты императора с

переслащенными надписями. Например: «Вся твердь земная восклицает: сегодня родился Тот, кто унизил надменных и освободил слабых» или «Всемогущий Справедливый бог проявляется в Наполеоне». В костелах и церквях служили благодарственные молебны, парадным маршем перед публикой проходили гарнизонные части, вечером в честь императора расцветали фейерверки.

Но весь этот официальный звон, организованное ликование мало подкреплялись делами. Так, общая численность созданных в Белоруссии и Литве войск превышала 23 тысячи человек, но в боевых действиях Наполеона против российских армий приняла участие едва ли четверть. Пехотные полки были обмундированы и вооружены только в сентябре; три уланских полка завершили комплектование в конце ноября, когда французская армия откатывалась назад; 20-й уланский полк вообще не был укомплектован полностью. Фактически заметной воинской поддержки Наполеон от Белоруссии и Литвы не получил. Уже в декабре, во время полного развала «большой армии» и беспорядочного отступления, Наполеон потребовал от Комиссии временного правительства объявить посполитое рушение и выставить на поле брани 30 тысяч белорусско-литовских шляхтичей (одну треть от общего числа шляхты). В седло должны были сесть мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Но 30-тысячное ополчение было явно нереальным, и решили в первую очередь собрать 15 тысяч человек: с Виленщины 7300, с Минщины 4500, с Гродненщины 2200, с Велосточчины 1800. Однако в ополчение пришло лишь 500 человек.

Те два десятка тысяч белорусов, которые оказались в полках, сформированных для армии Наполеона, были в большинстве своем не добровольцы. Это были рекруты, принужденные и приведенные помещиками крестьяне. Они тоже стали жертвами войны, жертвами тех иллюзий, которые цинично сеял Наполеон, используя сложности истории народов, играя на человеческой слепоте, ограниченности, романтических порывах, ставя людей в безвыходное состояние: отказ — смерть на месте, согласие — смерть впереди.

Судьбы этих людей сложились следующим образом. Гвардейский полк генерала Конопко в бою под Слонимом потерял убитыми 230 человек, остальные бежали в Новогрудок и позднее примкнули к другим белорусским частям, покинувшим родину вместе с французами. 22-й пехотный и 18-й уланский полки были разбиты под Минском войсками 3-й армии. Прочие пехотные полки отступили в Польшу. 17-й полк в бою под Краковом потерял убитыми и ранеными 142 человека и перестал существовать; 18, 20, 21-й полки оказались в крепости Модлин и здесь выдерживали длительную осаду русских войск. К концу осады из 2280 человек, пришедших в крепость в феврале 1813 года, 1333 были убиты или тяжело ранены. 21-й конно-егерский полк Игнатия Монюшки долгое время действовал в составе французской армии. После Парижского мира он вошел в состав польского войска, которое сформировал с разрешения Александра его брат Константин Павлович, ставший наместником в Польше. Вернулись из Франции в 1814 году и тоже вошли в это войско

белорусские 20-й и 19-й уланские полки. Татарский эскадрон состоял в гвардии Наполеона до Парижского мира, а затем был распущен.

Таким образом, подавляющее большинство белорусских солдат, призванных магнатской верхушкой на службу Наполеона, воевало и погибало совершенно бесцельно — за чужие интересы и на чужой земле...

В не менее тяжелом положении находилось население оккупированной Белоруссии. Летом и осенью 1812 года от Белоруссии и Литвы более всего Наполеон требовал поставок продовольствия и фуража. Были введены налоги с доходов — напитков, рыбы, масла, табака и т. п. Чудовищные размеры приобретали поборы натурой. В целом по Белоруссии в августе по указу Наполеона реквизиции подлежали: 528 тысяч тонн зерна, 100 тысяч тонн овса, 53 тысячи голов скота, 4,5 тысячи тонн сена. В октябре от Минской губернии потребовали 10 тысяч коров. Виленскую губернию в декабре обязали сдать 27 тысяч коров. То есть аппетиты «большой армии» были фантастические, и чтобы их удовлетворить, белорусским крестьянам оставалось отдать названным гостям все, а самим умирать от голода. Помимо официальных поборов с каждого двора на нужды армии наполеоновские реквизиторы выбрали под видом добровольного пожертвования по 2 пуда сена и соломы, по 5 килограммов гороха, по 90 килограммов ржи и овса. Объявив себя освободителем Белоруссии и Литвы «от русского ига», Наполеон тем не менее потребовал в свою казну все недоимки прежней администрации. Так, в Минской губернии он собрал налогов 539 тысяч рублей серебром и еще все задолженности жителей правительству Александра.

Словом, бедствия, обрушившиеся на оккупированные территории, вполне оправдывали те давние, широко ходившие в среде простого народа • слухи, что Наполеон и есть апокалипсический зверь. О такой обрисовке Бонапарта потрудился Синод еще в 1807 году. Тогда, во время неудачных для российской армии боев с французами. Синод по подсказке царского двора подготовил послание ко всем православным христианам, обличающее Наполеона, но по привычке разбивать лоб, когда прикажут молиться, сочинители послания переусердствовали и объявили Наполеона предтечей антихриста. Память о том послании, прочитанном с амвонов всех церквей, была сильна в народе — ведь не каждый год, даже не в каждое столетие церковь называет пастве конкретного избранника Сатаны. Но теперь, в ходе военных действий, послание вспоминалось как пророческое,— действительно, поборы, грабежи, поджоги, насилия над мирным населением, повсеместная смерть, поля, заваленные трупами, мало чем отличались от конца света. Едва ли бы тот библейский для белорусского населения был страшнее.

Так складывалась ситуация в Белоруссии, когда Наполеон привел свою армию к Бородинскому полю. Напротив него стояли войска Кутузова, те самые, которые он так долго и безуспешно преследовал. Наполеон, как известно, обрадовался, наконец-то его желание осуществилось — он мог дать стратегическое сражение, проявить свой военный гений, получить, как ему

мнилось, ключ от победной войны. Ему казалось, что, разбив Кутузова, он на завтра же увидит гонцов, привезших ему просьбу о мире на любых условиях, что города и села проявят к нему ту лояльность, которая сопровождала его победы и захваты в других странах Европы, что он продиктует свою волю России так же, как диктовал ее Австрии, Пруссии или Бельгии, и вернется в Париж, осиянный славой покорителя огромной державы, или же отправится покорять следующие земли и т. п. Думая об императоре Александре, он позабыл о народе, вернее, представлял его с роковой для себя неточностью, по впечатлениям губернаторов и губернаторок, путешественников, дипломатов и прочих шпионов, которые поставляли ему сведения о стране,

которую он собирался победить. Собственно, можно только дивиться, как человек, забравшись в глубь России, как топор в колоду, и видя перед собой малочисленную

армию — малую часть того войска, которое способна выставить Российская империя, как этот человек полагал одержать победу. Даже выиграв сражение, он не мог бы стать победителем, ведь поражение армии не означает поражения народа, народ такого поражения не признает и не признавал никогда. Для Наполеона Бородинская битва не могла быть стратегической. В этом он глубоко ошибался.

Стратегической, то есть решающей, переломной, она могла стать для России. Кутузов надеялся положить Бородино рубежом нашествия. В своих расчетах численности войск он опирался на заверения московского губернатора Раstopчина, обещавшего усилить 1-ю и 2-ю армии воинским резервом и 80 тысячами народного ополчения. Однако вместо 31 тысячи войск Кутузов получил лишь 14,5 тысячи, а ополченцев поступило 27 тысяч, из которых вошло в строй 10 тысяч человек. Главная беда заключалась в том, что ополченцы были практически безоружны. «Я назначил сборные пункты,— объяснял позже Раstopчин,— и в 24 дня ополчение было собрано, разделено по дружинам и одето, но так как недостаточно было ружей, то ополченцев вооружили пиками, бесполезными и безвредными». Это тем более удивительно, что еще 26 июля царь, отъезжая из Москвы в Петербург, писал: «Распоряжения Москвы прекрасны: эта губерния мне предложила 80 тысяч человек. Затруднение в том, как их вооружить, потому что, к крайнему моему удивлению, у нас нет более ружей... Я покамест сформирую много кавалерии, вооруженной пиками. Я распорядюсь дать пики также пехоте, пока мы не достанем ружей».

С того дня, как царь испытал «крайнее удивление», и до дня Бородинской битвы прошло полтора месяца, а необходимого количества огнестрельного оружия за этот немалый срок не собрали... Кто-то из ответственных чиновников поленился, кто-то забыл, кто-то спешил обтяпать личные делишки, и тысячи ополченцев пришли на поле битвы практически, как на расстрел. Так, в корпус генерала Раевского поступило ратников с ружьями 1128 человек, с пиками — 2212 человек; из 1150 ополченцев, которыми доукомплектовали 7-ю дивизию,

половина опять же несла на плечах пики. Воинский резерв, который поступил к Кутузову за семь дней до Бородино, состоял сплошь из необстрелянных рекрутов в основном из белорусских губерний. Ими пополнили 27-ю дивизию Неверовского, ту самую, которая в битве прославилась обороной Семеновских флешей, 12-ю и 26-ю дивизии. Отсутствие резервов, неготовность и безоружность ополчений, собственно, и вынудили Кутузова отступить после явной и впечатлительной победы.

Ход Бородинского сражения широко известен и по школьным учебникам истории, и по множеству популярных изданий, а особенно по великолепной его реконструкции, представленной Л. Н. Толстым в «Войне и мире». Поэтому здесь стоит назвать лишь некоторые сведения. Дальнобойность ружей, которыми были вооружены линейные полки, составляла 250—300 шагов, лишь егерские полки имели на вооружении ружья дальнего боя — на 1000 шагов. Поэтому в большинстве боев, составивших сражение, противников разделяли 300 шагов: батальоны вели истребительный огонь, видя друг недруга в лицо, и при малой скорострельности ружей скоро сходились в штыковые атаки. Наполеон потерял на поле битвы убитыми и ранеными 58627 солдат и офицеров, из них пехоты — 42 тысячи и конницы — 16 тысяч. Бородинское поле назвали могилой французской кавалерии. Три четверти потерь наполеоновской армии — 44 тысячи человек — припали на бои за батарею Раевского и Семеновские флешы, где сражались 27, 12, 4, 17, 3, 24, 7, 11, 23-я дивизии и лейбгвардейский Литовский полк. После битвы Кутузов имел 80 тысяч войск, Наполеон — 78 тысяч. Силы сравнялись. Приди в эти дни, 7—8 сентября, несколько дивизий к Кутузову, и весь дальнейший ход войны получил бы

иное течение. Но не было этих дивизий, и войска, выигравшие крупнейшее сражение столетия, продолжили отход и оставили Москву.

Наполеон въехал в старую столицу, вошел в Кремль. По его пониманию, он «поразил Россию в сердце». Меж тем она не чувствовала себя убитой. Кутузов отвел армию в Тарутино, формировались новые корпуса, пополнялись поредевшие, теперь каждый день увеличивал силы России и уменьшал силы Наполеона. За 36 дней сидения в Москве он потерял 30 тысяч человек, за это время Кутузов увеличил свою армию на 40 тысяч солдат. В эти 36 дней вся Россия, пережив гордость Бородинской победы и боль уступки Москвы, всколыхнулась и пришла в такое состояние духа, которое не дает пощады ни себе, ни врагу. Наполеон, томясь на Поклонной горе в напрасном ожидании «московских бояр» с ключами от города, полагал войну законченной. А она только начиналась. По городам и деревням поднималось народное ополчение: донское казачество выставило дополнительно 26 полков, оренбургские казаки — 23 полка, башкиры — 18 полков, мещеряки — 2 полка, тептеры — 1 полк, латыши — 5000 человек, эстонцы провели набор по 17 рекрутов с 500 душ, немецкие колонисты в Саратовской губернии составили свой батальон, калмыки дали 2 полка, Черниговская губерния — 26 тысяч человек, украинские губернии — 11 тысяч казаков, а в целом ополчение составило силу в 320 тысяч человек, из них 50 тысяч в седле. А еще из рекрутов набора 1812 года

формировались полки регулярной армии.

Наполеон оказался в Москве, как в загоне,— в нелепом и безвыходном положении. Путь на Украину был закрыт Кутузовым, Москва была обложена полукружьем из Новгородского, Тверского, Владимирского, Рязанского, Тульского, Калужского ополчений, на тыловых коммуникациях хозяйничали партизаны. Армия все более превращалась в многотысячную банду грабителей; призрак близкой смерти бродил среди осквернителей Москвы, помечая ледяным перстом свои жертвы. Сознание роковой неудачи захватило самого Наполеона, подтолкнув сделать шаг от великого к ничтожному,— он решил сжечь Москву, и она запылала. Из 9158 домов пожар обратил в пепелища 6532, из 8500 лавок уцелело 1300, из 550 предприятий сгорело 510. На кострище, в которое превратилась Москва, более нечего было делать. Но как не хотелось позорного бегства! «Я желаю мира, мне нужен мир, я непременно хочу его заключить, только бы честь была спасена»,— отчаянно наставлял Наполеон своего адъютанта Лористона, выправляя его к Кутузову. Сначала вопросом чести было войти в Москву, теперь — с честью выбраться. Все должно было быть забыто — сотни тысяч убитых, разорение многих губерний, разруха, сожжение Смоленска и Москвы, лишь бы один самовлюбленный человек не чувствовал себя обесчещенным проигранной войной, не упал с пьедестала славы и поклонения. Но слишком дорого обошлась народам России претензия тщеславного корсиканского дворянина на роль всеевропейского диктатора. Надо было расплачиваться. Эта расплата, начатая битвой у Тарутино, продолжалась в сражениях при Малоярославце, Вязьме, под Красным, у Чашников, в боях за Полоцк, Витебск, Волковыск, в разгроме на Березине и закончилась полным уничтожением наполеоновской армии по пути от Борисова к Ковно. В том самом месте, где Наполеон полгода назад писал в приказе по армии: «Рок влечет за собой Россию: ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися?.. Она нас ставит перед выбором: бесчестье или война? Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию».

Сколько в этих словах демагогии, бравады, слепоты и цинизма. Следствиями войны всегда были не только смерть в бою и увечья от ран. Ей обязательно сопутствуют голод, эпидемии, насилия, ожесточение сердец. «Внести войну» — значит напоить землю

кровью, обратить города и деревни в кострища, людей — в трупы. Но «внести войну» означает и получить войну: «кто с мечом придет от меча и погибнет». Погибала наполеоновская армия не только от меча. Погибала в корчах под ударами крестьянских навозных вил, отточенных кос, снятых с телег оглобель, от той созданной насилием ненависти, которая позволяет равнодушно взирать, как недавние убийцы и грабители, замерзшие и голодные, падают у обочин и их заносит снегом. Кто несет войну, того она и уносит. Отечественная война 1812 года еще раз это наглядно показала.

Немеркнувшим символом войны за Отечество стала Бородинская битва, с

которой, собственно, и начался обратный счет войне. Для Белоруссии Бородинская битва обрела силу символа действительного соединения с русским народом, соединения, освященного совместно пролитой кровью. Соединение Белоруссии с Россией наступило не по решению Екатерины, австрийского императора и прусского короля, а по чувству народов, испытавших равные бедствия войны на дорогах отступления и на дорогах наступления. Это воссоединение отмечено стоянием плечо к плечу в тяжких битвах, братскими могилами, кровью, которая, смешиваясь, означала братание. Это братание народов и началось на Бородинском поле, усилилось в севастопольскую страду, в войне за свободу болгар, в противостоянии японцам, а потом немцам в первую мировую... Дружба означает полное доверие, и такое доверие зародилось в битвах 1812 года, когда народы России единодушно действовали против нашествия.

Смысл этого нашествия не поддается распознаванию. Смутные наполеоновские планы покорения России, последующего похода на Индию, установления там своего владычества на зло англичанам, о чем свидетельствуют захваченные личные карты Наполеона,— все это граничит с фантазиями, искаженным, больным воображением. Сатанинская идея мирового господства, зародившаяся в голове одного человека и получившая опору в действовавшем механизме беспрекословного подчинения нижестоящих, в развитом аппарате насилия, в циничном грабеже захваченных территорий, обошлась народам Европы в несколько миллионов жертв. Белорусский народ потерял миллион из четырех миллионов. Такие невероятные, убийственные для здорового экономического и духовного развития нации потери Белоруссия за свою историю испытывала каждое столетие. В войнах 1648—1667 годов белорусский народ потерял 1,8 миллиона из 3,6 миллиона, в годы Северной войны 900 тысяч из двух миллионов. Эта катастрофа лучше видится в таких цифрах: ж 1647 году в Белоруссии и Литве проживало 4 миллиона 540 тысяч человек, в 1667 году осталось 2 миллиона 340 тысяч. Погиб каждый второй, каждые 50 из 100. Это в среднем. А на Витебщине погибли каждые 72 из 100, на Мстиславщине каждые 71 из 100, на Полоччине и Минщине каждые 63 из 100 человек. К 1700 году население выросло до 3 миллионов, но уже к 1721 году войны уменьшили его до 1 миллиона 800 тысяч. Погиб каждый третий. Менее чем за век, за жизнь четырех поколений численность белорусского народа не только не увеличилась, а уменьшилась более чем вдвое.

Вернув к XIX столетию 4-миллионную численность, народ Белоруссии в результате наполеоновской авантюры опять потерял миллион человек — каждого четвертого. Довоенный уровень населения был превзойден на 400 тысяч человек лишь к 1863 году. В годы первой мировой войны из семимиллионного населения Белоруссия потеряла 1 миллион 200 тысяч человек. Каждого пятого. И каждого четвертого потеряла в Великую Отечественную войну. В этих ужасающих цифрах жертв, в этой одинаковости губительных наполеоновского и гитлеровского нашествий есть зловещая символика. Историки, исследовавшие эту параллель, показали, что Гитлер

пошел проторенной дорогой. Не случайно он приурочил начало войны на 22 июня (Наполеон — 24-го). Не

случайно ездил в Париж поклониться праху Бонапарта, не случайно планы гитлеровского командования, как и план Наполеона, были рассчитаны на блицкриг, а главный удар был нацелен на Москву. Гитлеру казалось, что Наполеон ошибся в малостях, а вот он, Гитлер, эти малые ошибки не повторит, и все закончится иначе, дело гениального корсиканца завершит тевтонский гений.

Если пользоваться тем содержанием древних символов, которые использует народ, то антихрист — это конкретный человеконенавистник, человекоубийца, душегуб, погубитель рода человеческого, детей, стариков, женщин, вообще жизни. И в такой трактовке этого символа Наполеон — действительно антихрист, антихристианин, антикрестьянин, ведь крестьян он более всего и погубил.

XIX век был обходителен с властительными преступниками. Наполеон окончил свой век на острове св. Елены, в изоляции от мира, которому принес столько бед. Там, в одиночестве, оглядывая свою жизнь, он вспоминал и Бородино, и переправу возле Борисова, и бегство из Сморгони. Совесть не мучила его; поля, покрытые тысячами изуродованных тел, горящие города, сироты и калеки ему не снились. Главной ошибки своей жизни он не понял — он всегда нес войну, смерть, страдания. С этой жуткой миссией он прошел вперед и назад и по землям Белоруссии. Только самоотверженность народов России сокрушила созданный им механизм зла, принесла, говоря словами Пушкина, мир земле.